

ФИЛОСОФИЯ

УДК 124.5+37.03

Ценности в образовании и современный университет

Н. М. Кропачев, Д. В. Шмонин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Кропачев Н. М., Шмонин Д. В.* Ценности в образовании и современный университет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 208–223. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.201>

Статья посвящена анализу ценностно-мировоззренческого аспекта современного университетского образования. «Массовый университет» последней четверти XX — начала XXI в., ставивший перед собой заниженную задачу «оказания образовательных услуг» для формирования общества «квалифицированных потребителей», практически без внимания оставлял классический опыт передачи знания, связанный с духовным воспитанием личности интеллектуала, формированием его мировоззрения. Введенные в действие в 2022 г. указом Президента России Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей требуют преодоления этого дефекта современной образовательной парадигмы и приведения ее параметров к адекватной традициям и современным реалиям социальной норме. Авторы статьи указывают, что в соответствии с перечнем основных традиционных российских ценностей, приведенных в документах стратегического развития России, необходима прорисовка образа выпускника университета середины XXI столетия как высококвалифицированного специалиста с критическим мышлением, исторической памятью и широким культурным горизонтом. Для этого, среди прочего, нужно решить междисциплинарную задачу: привести важнейшие ценностно-мировоззренческие понятия в нормативную систему, сделать перечень общепонятным и общепринятым для всех участников процессов образования и воспитания. Это должна быть работа с привлечением специалистов в различных областях знания, в том числе филологов, юристов, педагогов, философов, культурологов, политологов, социологов и, без сомнения, теологов. Когда мы задаем фундаментальные вопросы о причинах мира, смысле жизни человека или путях решения глобальных проблем, обнажаются религиозные основания укорененных в обществе ценностно-мировоззренческих систем. Теология христианства, теологии традиционных религий представляют наиболее глубокий и полный

по содержанию источник ценностного мировоззрения. Поэтому, по мнению авторов статьи, базовые теологические принципы должны стать необходимым элементом образования в современном российском университете.

Ключевые слова: образование, университет, ценности, норма, религия, теология.

Нацеленность современной науки на прорывные результаты в медицине, биологии, генной инженерии, когнитивистике, моделировании искусственного интеллекта и ряде других высокотехнологичных направлений, а также на связанные с ответом на геополитические вызовы прикладные разработки в военно-технической сфере только усиливает необходимость *этических экспертиз* как научных проектов, так и целых исследовательских программ.

Прагматизм в выборе путей, подходов, методов должен дополняться нравственной ответственностью ученых за результаты их научной и научно-педагогической деятельности. При этом уровень такой ответственности не всегда и не всеми специалистами осознается в должной мере. Определенный моральный инфантилизм, слабость критического мышления, имеющие социальные корни, связаны среди прочего с дефектами системы современного образования. (Мы используем восходящий к Дж. Дьюи термин *критическое мышление* не в слабом, познавательном-коммуникативном значении, как способность преодолевать границы обыденного восприятия информации, но в значении более сильном, научном, где речь идет о способности к системному самоконтролю и самокоррекции в процессе познания, что для ученого означает умение подняться над своими узкими научными задачами для оценки результатов своей работы.)

«Массовый университет» последней четверти XX в. и первых десятилетий XXI столетия, отдавая предпочтение в «оказании услуг» новациям в технологиях преподавания, нередко оставлял без внимания классический опыт передачи знания, который на протяжении многих столетий был неразрывно связан не только с качественной подготовкой специалиста с высшим образованием, но и с духовным воспитанием личности интеллектуала, формированием его мировоззрения [1]. Необходимость решить эту проблему требует прорисовки образа выпускника университета середины XXI столетия в контексте ценностей в науке и образовании.

Формат статьи не предполагает участия авторов в дискуссиях по аксиологической тематике, касающихся классификаций и определений ценностей в науке, образовании, профессиональной деятельности и обыденной жизни. Опишем лишь общее понимание ценностей, которого мы придерживаемся в нашей работе. Под ценностями мы предлагаем понимать *базовые моральные принципы, фундаментальные мировоззренческие позиции, социальные нормы*, осознаваемые и принимаемые ученым, преподавателем, любым другим специалистом, а также профессиональным сообществом, корпоративным коллективом и т. д. до начала исследования, преподавательской или любой другой профессиональной работы. Это ключевые принципы, позиции, оценки, нормы, относительно которых мы солидарны и которыми руководствуемся в нашей деятельности [2–5].

Напомним, что система образования, которое давал университет в Средние века, строилась на христианских ценностно-мировоззренческих основаниях, но учитывала историю и опыт античного и иудейского подходов к образованию [6].

В университете было три высших факультета — медицинский, юридический и теологический. Претендовать на специализацию по одной из трех высших наук мог тот, кто окончил «младший» (философский) факультет, который называли также факультетом свободных искусств. Образование на этом факультете давало сумму знаний о мире, подкрепляя описательную функцию науки ценностными нормативами религии. Многолетний курс дисциплин тривиума и квадравиума, включавший последовательное изучение гуманитарных наук и основ естествознания, *складывал* личность выпускника (бакалавра или магистра), подводя его к постижению одной из трех научных профессий на основе теологической картины мира [7].

Можно описать этот синтез словами Климента Александрийского: «Как свободные искусства ведут к госпоже их философии, так и философия в конечном итоге приводит к мудрости. Философия является средством для осуществления мудрости, сама же мудрость есть знание причин вещей божественных и человеческих» [8, с. 93, 185].

Медицина описывала природу человека и учила искусству врачевания телесных и душевных недугов, сотворенного Богом по Своему образу и подобию существа.

Правоведение, раскрывая смысл юстиции как справедливости и права, наделяло умением толковать законы. Юриспруденция выполняла действительно высокую миссию: она связывала Вечный Божественный закон существования мира, который находит свое зримое выражение в библейских заповедях, и определяет *естественное право* человека как сотворенного Богом свободного существа [9, р. 99–170], с законодательством, устанавливаемым правителями, т. е. с *позитивным* правом.

Теология как знание Слова Бога давала понимание гармонии мироустройства и цели жизни человека. Эту мировую гармонию, как и отражающую ее иерархическую систему образования, иногда запечатлевают в образе устремленного своими шпилями к небу готического собора.

Новое время обнесло эту гармоничную «университетскую готику» постройками разных стилей. Просвещение XVIII в., прогресс науки в веке XIX привели к секуляризации системы образования и исключению нормативной функции теологии в образовании и воспитании. Революционные катаклизмы, глобальные военнополитические противостояния, волны научно-технологического развития, смена экономических укладов, ломка мирового порядка в конце XX столетия — все это влекло за собой множество перестроек и радикально изменило архитектуру высшего образования — и в мире в целом, и в национальных образовательных системах в частности [10, с. 17]. «Впервые в человеческой истории, — пишет православный богослов Христос Яннарас, — обнаружился факт религиозного обесцвечивания широчайших народных масс, столь характерный для нашего (имеется в виду XX в. — *Авт.*) столетия» [11, с. 29].

Многие пытались и пытаются осмыслить проблему секуляризма. В работах одного из признанных западных философов, Юргена Хабермаса, вышедших в свет на рубеже веков, обсуждаются ценностный кризис западной цивилизации и сложность выстроить общественную мораль в постмодернистском обществе на безрелигиозных основаниях [12; 13].

«Политическая культура, которая, например, в вопросах экспериментирования на человеческих эмбрионах, аборта или лечения вставших в кому непримиримо

поляризуется по линии разлома светского (säkular) / религиозного, подвергает испытанию гражданский здравый смысл даже в старейших демократиях» [14, с. 8]. И поскольку в государствах и обществах, «сформированных благодаря христианству, теология, очевидно, взяла на себя роль лидера в... саморефлексии передаваемых по традиции доктрин», то верующим людям следует преобразовывать свои религиозные убеждения в «благоразумную рефлексию», учитывающую мировоззренческий плюрализм [14, с. 10].

Но Хабермас прекрасно понимает, что это дорога с двухсторонним движением. «Демократическое государство поддерживается солидарностью граждан, к которой невозможно принудить правовым образом», — полагает он [14, с. 9]. Секулярное мировоззрение — если оно не отрицает демократию! — тоже должно быть открыто влиянию верующих людей.

И если государство «навязывает своим гражданам» определенные убеждения «поверх мировоззренческих границ», то оно должно понимать при этом, что именно «религиозные традиции по сей день обеспечивают артикуляцию того, чего не достает» [14, с. 9] обществу, и способны «обнаруживать вдохновляющую силу» базовых религиозных принципов, которые составляют фундамент культуры и образования.

Российская высшая школа (как и система образования в целом), в последние три с лишним десятилетия подверженная всем основным мировым трендам, в меньшей степени, чем Запад (в предельно широком понимании), ощущает ценностный дефицит.

Речь, как это уже случалось в относительно недавней советской истории, идет не только «о необходимости преодолеть расхождение между реально существующими и декларируемыми ценностями» [2, с. 92], но и о том, что так называемое теневое нормотворчество, которое ранее связывалось с *негативными социальными отклонениями*, довольно быстро вышло в публичную сферу общественного сознания в качестве позитивных отклонений, которые якобы формируют «более прогрессивную нормативную систему» в образовании [2, с. 93].

Деидеологизация постсоветского образования, начатая под флагом гуманизации и гуманитаризации, в скором времени привела к превращению его в рынок услуг. В таких условиях деградация воспитательной компоненты в образовании воспринималась как нечто естественное. Если взять высшую школу, то за многочисленными и разнообразными реформами, модернизациями, инновациями практически не скрывалось забвение основной цели университетского образования — подготовить выпускника, который не только соответствовал бы набору квалификации профессионала, но являл бы собой зрелую, социально ответственную личность. Эту традиционную цель заменила другая — «собрать по модели» выпускника с минимальным набором универсальных и профессиональных компетенций, профессионала в обществе квалифицированных потребителей, способного менять траектории своей жизни вслед за изменениями социальной конъюнктуры.

Возвращение к ценностно-мировоззренческому содержанию образования, к *социальной норме* обещает быть трудным. Сложно исправить многолетний перекос и дополнить характеризующую с точки зрения компетентностей модель выпускника образом профессионала и гражданина, который получает вместе с дипломом

о высшем образовании или об ученой степени не только определенные права и возможности, но и новый уровень ответственности перед обществом.

Очевидно, что необходима мобилизация интеллектуальных, организационных, финансовых ресурсов, способных обеспечить единство подходов к образованию и воспитанию молодого поколения российских граждан. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021) [15], описывая положение в мире как период трансформаций структуры глобального порядка, формирования «новых архитектуры, правил и принципов мироустройства» [15], формулирует такие задачи: воспитание необходимо осуществлять с учетом современных педагогических технологий, на основе отечественных традиций, культуры, исторических корней русского и других народов, имеющих общие судьбу, исторический путь и государственность.

Стратегия требует не только обеспечения внутренней стабильности в государстве, но и системного наращивания потенциала — экономического, политического, военного и, что не менее важно, духовного потенциала (ст. 9) [15]. Необходимость сохранения суверенитета и обеспечения стабильного развития общества и государства в этой ситуации заставляет переосмыслить задачу «развития системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству» (ст. 93) [15].

Новый важный документ, недавно опубликованный и введенный в действие — Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержден Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Он усиливает ключевые моменты, содержащиеся в Стратегии национальной безопасности [16].

В обоих стратегических документах дан перечень основных традиционных духовных ценностей российских граждан. В числе этих ценностей: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» (ст. 5) [16].

Появление такого перечня в официальных документах, которые определяют векторы развития Российского государства на среднесрочную и долгосрочную перспективу, — момент важный, возвращающий нас к вопросу обоснования социальной нормы.

Динамизм глобальных процессов, существенные изменения социально-политических и экономических условий жизни российского общества и государства требуют активных поисков новых высокоэффективных, технологичных форм воспитательной работы, построенных на принципах возрождения духовных основ общения в духе гражданственности.

В связи с этим одной из актуальных для всей системы образования проблем действительно становится описание ключевых ценностей, закрепление однозначности ее понимания и применения.

Отметим, что согласно современным словарным определениям, под *духовностью* понимается состояние человеческого самосознания, которое находит свое

выражение в мыслях, словах и действиях. Понятие *нравственность* включает внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами.

Вместе с тем объемы понятий *духовность* и *нравственность* во многом пересекаются. Кроме того, понятия *нравственность* и *мораль* часто раскрываются как тождественные или, по крайней мере, тесно взаимосвязанные: нравственность отражает ценностное ядро культуры, а мораль рассматривается как конкретная форма общественной нравственности, зависящая от условий жизни общества и его различных слоев. При эволюции общественного устройства или социально-экономических условий изменяются и моральные системы; нравственность же рассматривается как неизменная категория.

По мнению одного из ведущих современных российских этиков, академика РАН А. А. Гусейнова, нравственность предстает как область фактических нравов (а также «человеческий смысл реальных нравов»), а мораль — как область общественного сознания. Кроме того, в морали, по мнению А. А. Гусейнова [17], фиксируются «гуманистическая перспектива эпохи» и некая «высшая точка отсчета». В этом смысле мораль «совпадает с должноствовательным, программным уровнем нравственной жизни человека и общества» [17, с. 195]. Она предстает как «идеальная нравственность», а нравственность — как «практическая мораль» [17]. А. А. Гусейнов показывает, что мораль и нравственность выражают сущностное и эмпирически многообразное, перспективное и наличное, идеальное и реальное, должное и сущее. Различие морали и нравственности имеет еще один аспект — исторический: в одни эпохи на первый план выходит мораль, и реальное, многообразное, наличное, сущностное отражает их в снятом виде, в другие эпохи — нравственность. Обобщая развитие этики в классической философии, А. А. Гусейнов подчеркивает, что нравственность выступает как «общественная мораль» с точки зрения единства, общности, в то время как мораль представляет собой способ выражения «индивидуальной нравственности», исходящей из изначальной самооценности человеческой личности [17, с. 195 и далее].

В целом в этике и аксиологии как разделах философии, в том числе в подходах отечественных философов к оценке моральных систем и ценностно-мировоззренческих основ нравственности, и, как следствие, в изложении всего этого в учебниках, преобладают исторические описания и плюралистичность [3; 4; 18].

Вместе с тем если учеными в области этики и аксиологии предпринимаются попытки описать неизменное, базовое, ценностно-мировоззренческое ядро морали из «человеческой самооценности» или «пределов только разума», то такие описания при последовательных усилиях способны привести (в рамках современной секулярной философской мысли) к идее того, что мораль задает критически отрицательное отношение к реальному миру. Из этого, в свою очередь, могут последовать признание абсолютного значения ценностей, их основополагающего для всех человеческих стремлений смысла, а также важные интуиции и выводы, что «в морали и через мораль жизнь человека соизмеряется с Богом» [19, с. 80].

Однако, несмотря на апелляции к религиозным ценностям в ряде современных работ по этике, отмеченная выше плюралистичность моральных доктрин и дескриптивно-аналитический характер современной этики как философской

науки не позволяют говорить об общепонятности и общепринятости в научной и научно-педагогической среде таких понятий, как духовность и нравственность.

В самом деле, как может помочь обобщение многообразного мирового исторического опыта, философско-этических систем нашему обыденному восприятию? В том числе нашей молодежи, часть которой оказывается уязвимой в условиях геополитической и социальной нестабильности, особенно если учитывать сложившуюся дифференциацию общества по экономическим параметрам и ставшую в значительной мере привычной (особенно за последние три десятилетия) редукцию ценностей к материальной сфере?

Воспитание в целом как общественное явление — сложный, многоплановый и многоуровневый социально-исторический процесс вхождения подрастающих поколений в социальную жизнь, различные виды деятельности, творчество, культуру; становление их социально ответственными людьми, формирование как зрелых личностей с ценностным мировоззрением, включение их в качестве важнейшего элемента («человеческий капитал») в производительные силы общества, от которых будет зависеть стабильное развитие страны.

Трудно описать образ выпускника университета, используя абстрактный язык профессиональных, общекультурных и прочих компетенций. В лучшем случае получится схематичная модель. Необходимо использовать ценностный тезаурус, вернуться к *тезаурусу нормы*. Поэтому логичным представляется приведение важнейших ценностно-мировоззренческих понятий в *нормативную систему* и прояснение их смысловых значений, так чтобы сделать перечень общепонятным и общепринятым для всех участников процессов образования и воспитания. Это должна быть работа с привлечением специалистов в различных областях знания, в том числе филологов, юристов, педагогов, философов, культурологов, политологов, социологов и, без сомнения, теологов.

Вместе с тем уже сейчас мы можем заметить, что в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей после пункта 4, где дано определение понятия «традиционные ценности», и пункта 5, где дается их перечень, приведенный выше, следует пункт 6, в котором отмечается роль традиционных религий России в их (ценностей) формировании [16].

В тексте говорится, что религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Кроме того, один из подпунктов пункта 24 особо указывает на необходимость использования ресурса деятельности религиозных организаций традиционных конфессий в воспитании уважения к традиционным духовным ценностям и противодействии деструктивным религиозным течениям.

Действительно, если рассматривать перечень, религиозные основания проступают едва ли не в каждом из понятий. Или, скажем мягче, при их раскрытии, описании с точки зрения языка, истории, культуры, выясняется, что в изначальном и часто в более понятном варианте они содержатся в теологических учениях традиционных религий: христианстве и других авраамических традициях, а также в религиозно-философской системе буддизма.

Можно, не вдаваясь в излишние подробности, обратиться к примеру христианского вероучения. Так, жизнь в христианстве воспринимается как дар, данный Богом, а достоинство человека связано с тем, что в нем заложен образ Божий. Права и свободы человека также суть выражения того, что человек создан по образу Бога и обладает свободой, дающей ему возможность уподобиться Богу. Распоряжаясь этой свободой, человек приобретает вместе с правами и ответственность за свою жизнь.

Патриотизм, служение Отечеству и ответственность за судьбу страны, этимологически коррелирующие с Отечеством (*patria*) и понятием отца (*πατήρ*; недаром патрологией или патристикой называют науку, изучающей святоотеческую традицию, т. е. богословские учения основоположников христианства), связывается также с заповедью любить и заботиться о ближних (Мф 22: 39). Гражданственность и коллективизм тесно связаны с соборностью, поскольку человек живет в обществе людей. И в то же время: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин 15: 13).

В христианской традиции планку высоких нравственных идеалов задает Христос, Богочеловек, и высшее стремление человека — к богоуподоблению (обождению) и спасению. Духовное главенствует над материальным — об идеалах жертвенности свидетельствуют многие строки Священного Писания, в том числе Евангельской истории.

В христианстве важное место занимает крепкая семья: Господь создал человека для жизни в семье, чтобы научиться любить, начиная с ближних своих. О важности созидательного труда свидетельствуют многочисленные максимы о том, что любовь созидает, грех разрушает: «...трудящийся достоин пропитания (Мф 10: 9–10)», а «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес 3: 10).

Даже, казалось бы, ренессансные, просвещенческие, секулярные ценности, такие как гуманизм, также имеют глубокие религиозные корни. О милосердии и справедливости говорят заповеди: Господь дал заповедь любить, а любовь долготерпит, милосердствует (Кор 13: 4–7). Господь заповедовал возлюбить ближнего как самого себя (Мф 22: 39); об исторической памяти и преемственности поколений — тема корней, истории, любви к «отеческим гробам». Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе (Исх 20: 12). Единство народов России — столь же объемно представленное правило: Бог учит жить со всеми в мире. «Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол 3: 11).

Понятно, что мы привели лишь небольшое число весьма очевидных примеров. Аналогичные нормы содержатся в учениях других традиционных религий и авторизуются ими в соответствующих морально-теологических или морально-философских учениях. Приведенного, однако, достаточно для того, чтобы предложить некоторые заключения.

Во-первых, базовые ценности находят свое максимально полное выражение в Слове, т. е. в теологии, языке, литературе, искусстве. При этом исторический опыт и культурная память, включая мораль и право, соединяют прошлое, настоящее и будущее страны, этноса, семьи в едином образовательном и воспитательном процессе, влияя на формирование личности молодого гражданина, на сохранение и упрочение социальной солидарности.

Во-вторых, теология традиционных религий (конфессий) как систематическое ядро мировоззрения буквально несет и сохраняет в себе ключевые базовые ценности культуры — вне зависимости от того, верующим или неверующим является человек, принадлежащий этой культуре.

Кроме того, междисциплинарный, с учетом роли теологии, подход к описанию базовых ценностно-мировоззренческих понятий прямо отвечает задачам «защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти и общественно значимых ориентиров социального развития» нашей страны. Среди таких ориентиров, напомним, в Стратегии национальной безопасности, помимо укрепления общероссийской гражданской идентичности, указаны: укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение самобытности народов Российской Федерации; защита и поддержка русского языка; защита российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии; обеспечение участия религиозных организаций традиционных конфессий в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, гармонизацию российского общества, распространение культуры межкультурного диалога, противодействие экстремизму (ст. 92–93) [15].

Все это вполне укладывается в формулу о том, что Россия — светское государство, история и культура которого имеют религиозное начало. Свидетельством тому являются многие яркие места в наследии русских мыслителей, касающиеся общественной нравственности, нравственного устройства жизни, нравственного быта.

Общественная нравственность вплетена во все сферы социальной жизни — экономической, правовой, политической, культурной. Будучи темой размышлений, полемических дискуссий в русской философской традиции, вопрос о началах общественной нравственности подводит нас к развитию прикладных аспектов этики, проекции метафизических оснований нравственности на практическую жизнь. Один из показательных примеров — работа В. С. Соловьева «Право и нравственность. Очерки их прикладной этики» (1897) [20]. При этом речь, заметим, идет не о подмене ценностных основ некими прикладными нормами, оформляющими новые социальные отклонения, но о стремлении проанализировать ценностные начала (добро, благо, солидарность) в их общественной реализации.

Трудно не увидеть религиозного характера этих начал, рассматривая, вслед за В. С. Соловьевым, общество как «организованную нравственность» или «собирательное добро». В этом определении видится стремление к единству нравственных начал личности и общества. «Лично-общественное» единство является основой социальной солидарности. Сохранение и упрочение этой солидарности является этической задачей, имеющей ценностно-мировоззренческие корни.

«Мировая задача состоит не в создании солидарности между каждым и всеми, — замечает В. С. Соловьев в своем «Оправдании добра», — она уже и так существует по природе вещей, а в полном сознании и затем духовном усвоении этой солидарности со стороны всех и каждого, в ее превращении из метафизической и физической только в нравственно-метафизическую и нравственно-физическую» [21, с. 286], причем безусловная солидарность и нераздельность личности, осознающей наличие «безусловного нравственного элемента» [21, с. 286] «истинной религии»,

с общественной средой проявляется в бесконечной целостности [21, с. 295], поднимаясь до уровней рода, государства. При этом существование в государстве «многих религий и вероисповеданий» не создает ценностно-мировоззренческих барьеров между людьми, но только подтверждает «общую нравственную почву» религиозных традиций [21, с. 49].

Здесь нет противоречия основным конституционным принципам: обращение к Богу — это свобода человека выбрать бытие с Богом или без него. Ту же мысль нормативно закрепляют утвержденные Основы государственной политики. Однако задача современного образования, его просветительской, воспитательной компоненты, состоит в том, чтобы качественно, квалифицированно, полно раскрыть эти ценности, адаптировать их в системы норм, о которых мы говорили выше. Такие системы, которые могут находить свое воплощение в *этических кодексах*, необходимы как в образовательной среде, так и в иных специализированных сообществах, профессиональных субкультурах.

Примером может послужить кодекс университета [22], созданный в контексте предусмотренной Уставом Санкт-Петербургского университета задачи описать обязанности работников и обучающихся университета следовать сохраняемым в его стенах нравственным и культурным традициям, общепринятым моральным нормам, а также бережно относиться к духовным ценностям [23]. Заметим, что в кодексе университета, принятом ученым советом СПбГУ [22], среди традиций, норм и ценностей есть и требования для профессоров и преподавателей развивать и поддерживать профессиональную компетентность, повышать уровень своих знаний и качество педагогического мастерства, заботиться о развитии научного знания и основанного на нем образования как высших ценностей деятельности университетского сообщества. Всем университетам кодекс предписывает достойно представлять университет во внеуниверситетской среде, включая электронные средства массовой информации и коммуникации, заботиться о его репутации как научного и образовательного учреждения, «способствовать укреплению его авторитета как старейшего университета России и одного из ведущих вузов страны» [22]. В документе заложен большой перечень норм, регулирующих этические стороны взаимоотношений «учителей, коллег и учеников», мягко рекомендуящих поддерживать доброжелательные отношения, способствовать созданию обстановки взаимопонимания и сотрудничества, уважать свободу мысли и слова, в том числе и свободу творчества, но в то же время достаточно четко запрещающих неправомерное воздействие на университетов и нарушение норм научной и преподавательской этики [22].

Кодекс университета СПбГУ показывает, что содержание такого документа не должно рассматриваться исключительно как преодоление негативных явлений, но прежде всего как ценностные установки, которые способствуют формированию не только профессиональной или корпоративной идентичности, но особого нравственного предназначения, нравственного единства, по В. С. Соловьеву — *организованной нравственности и солидарности*, и здесь явная переключка с Ю. Хабермасом, которого мы также цитировали.

Этические кодексы в последние полтора десятилетия входят в жизнь высших учебных заведений, по-разному, с учетом традиций и особенностей, расставляя ценностные акценты. Заметим, что практика создания и применения кодексов, на-

пример в решениях этических комиссий российских вузов [24], выражает усиление внимания к функциям морали в обществе: ценностной (в связи с мировоззрением), нормативно-регулятивной и воспитательной. Весьма сложно провести разделение этих функций, поскольку и воспитание, и регулятивные функции морали завязаны прежде всего от ценностно-мировоззренческих начал.

Разумеется, у этических кодексов имеются особые функции как внутри, так и вне образовательной и научной сфер. Такая форма регулирования внутренней жизни становится все более распространенной в различных отраслевых, ведомственных, профессиональных сообществах, корпоративных коллективах [25]. Эти кодексы и акты их применения нацелены на обеспечение ценностного единства коллективного морального субъекта, изложенное в форме взаимных «ожиданий в отношении поведения» (см. последний абзац раздела 1 Этического кодекса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [26]), т.е. на формирование нравственного самосознания и солидарности соответствующих сообществ и коллективов.

Важно, что решения корпоративных этических комиссий находят признание в решениях государственных органов, в том числе судов и прокуратуры. Не менее важна и императивная составляющая кодексов, куда включаются определенные принципы: наиболее общие требования морали, определяющие ценностные векторы развития сообщества, коллектива, а также собственно нормативное содержание, в котором ценности и принципы находят свое конкретное воплощение. Работа над кодексом требует, с одной стороны, широкого обсуждения моральных начал в коллективе, с другой стороны, привлечения профессионалов. Помимо собственно специалистов, принадлежащих данной среде и являющихся в ней моральными авторитетами, для создания таких кодексов необходимо участие этиков, философов, теологов, юристов, что важно для всестороннего анализа своеобразия специализированной среды, характера корпоративной деятельности, специфики возможных моральных проблем и конфликтов, а также для описания нормативной практики в контексте общих ценностно-мировоззренческих оснований. Важная часть этих оснований — базовые принципы жизни общества, присущие традиционным религиям. Они на протяжении тысячелетий формируют представления человека о мире и о его месте в этом мире, о законах, по которым живет человек в обществе. Речь идет о корнях, которые, подобно лозе, позволяют ветвям расти: иначе ветви сохнут, и их обрубает (Ин 15: 1–17).

Образ культуры как лозы, корнями уходящей в историю человечества, позволяет зримо ощутить важность базовых принципов, которые по-разному выражаются в различных философско-моральных, социально-экономических учениях, идеологических и политических доктринах, основополагающих юридических документах, а при решении практических задач — в описывающих социальную норму этических кодексах.

Все эти укорененные в обществе ценностно-мировоззренческие системы, как мы постарались показать в статье, обнажают свои корни, когда мы задаем фундаментальные вопросы о причинах мира, смысле жизни человека, целях социального развития, путях решения глобальных проблем.

Поэтому основы теологии христианства, теологий традиционных религий и как глубинный пласт культурной и исторической памяти народов, и как наибо-

лее полный по содержанию источник и корневая система ценностного мировоззрения должны, по нашему мнению, оставаться необходимым элементом образования в современном российском университете.

Опыт развития теологии в системе высшего образования (за границей по-своему [27; 28], в России — по-своему [29]) в общем контексте показывает сложности и вместе с тем перспективность возвращения теологии в университетское пространство, а также интеграции ее ценностно-мировоззренческого содержания в систему воспитательной работы и реализации молодежной политики в высшей школе.

Вопрос о внеучебной работе со студентами заслуживает отдельного рассмотрения, в этой статье мы лишь упомянем о том, что университетский кампус как современная жизненно-коммуникативная среда должен обеспечивать полноценную образовательную и научную стороны жизни университетов. Если вузу удастся создать такую единую среду, то это дает возможность, среди прочего, и более эффективной интеграции поликультурных, поликонфессиональных сообществ студентов.

Конечно, теология конкретна и соответствует определенной религиозно-конфессиональной традиции. Но развитие теологии и теологического образования в современной России показывает, что это не повод для разделения. Более того, при профессиональном, качественном подходе — это серьезная возможность для студентов (и не только для них!) повышения уровня критического мышления и устойчивого осознания социальной нормы [2, с. 94]. Это практические способы закрепления моделей социально ответственного поведения, корпоративной солидарности, основанных на базовых ценностно-мировоззренческих принципах традиционных религий [29, с. 183].

Помимо культурно- и государствообразующего значения православия, благодаря которому сложилась и на протяжении многих столетий развивалась Россия, в нашей стране существуют и осуществляют свое служение другие христианские церкви, конфессии, деноминации. В российском исламе более сорока крупных муфтиятов общероссийского, межрегионального и регионального уровней. Работают две всероссийские еврейские централизованные организации. Буддийская традиционная сангха России представляет общины буддистов различных регионов страны [29, с. 183–184].

Это важно учитывать и в перспективе других — смежных — задач, которые стоят перед нашими ведущими университетами: мы говорим о системном вовлечении иностранных студентов в российскую культурную среду, которая при этом и в то же время должна формировать и укреплять общероссийскую гражданскую идентичность российских студентов различных национальностей, вероисповеданий и убеждений [30, с. 75–76; 31, с. 330].

Заметим в заключение, что внимание университетского сообщества к ценностно-мировоззренческим аспектам образовательной, научной, общественной жизни университета, его бытования даст возможность более точно скорректировать и настроить задачи подготовки будущего профессионала с высшим образованием, научить его (прежде — научившись самим!) преодолевать моральные и содержательные дефекты наших нынешних образовательных стандартов, учебных планов и программ, «тоннельное мышление узкого специалиста», стереотипы секулярной

эпохи и многое другое, требующее пересмотра. Развитие всех отраслей науки, технологическое преобразование страны, передача и приращение знания, ради которых и существует система высшего образования, — все это немислимо без ценностного мировоззрения, источником и мерилем которого также являлся и является университет.

Литература

1. Кропачев, Н. М. и Молитвин, М. Н. (2017), Возможность образования в течение всей жизни как предмет социальной ответственности современного классического университета, в: Садовничий, В. А. (ред.), *Университеты в евразийском образовательном пространстве* (Сер. «Евразийские университеты XXI века»), М.: МАКС Пресс, с. 178–195.
2. Беляев, Н. А., Орехов В. В. и Кропачев Н. М. (1988), [Рец. на кн.:] Социальные отклонения: введение в общую теорию / В. Н. Кудрявцев, Ю. В. Кудрявцев, В. С. Нерсисянц. М.: Юридическая литература. 1984. 320 с., *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, № 3, с. 92–94.
3. Матвеев, П. Е. (2004), *Моральные ценности*, Владимир: Владимирский гос. ун-т.
4. Ивин, А. А. (2010), Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы, *Философский журнал*, № 1 (4), с. 66–68.
5. Shmonin, D. (2015), Citizenship Education in Russia: Between “Patriotism” and “Spirituality”, in: Aslan, E. and Hermansen, M. (eds), *Islam and Citizenship Education*, Wiesbaden: Springer Fachmedien, pp. 273–280
6. Шмонин, Д. В. (2016), Античные и иудейские религиозно-педагогические компоненты в истории формирования христианской образовательной парадигмы, *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*, т. 10, № 1, с. 183–195.
7. Шмонин, Д. В. (2011), Схоластика как философия образования, *Вопросы философии*, № 10, с. 145–154.
8. Климент Александрийский (2003), *Строматы*, СПб.: Издательство Олега Абышко.
9. Hamilton, B. (1963), *Political thought in Sixteen-century Spain*, Clarendon Press.
10. Огурцов, А. П. и Платонов, В. В. (2004), *Образы образования*, СПб.: РХГИ.
11. Яннарас, Х. (2005), *Избранное: Личность и Эрос*, пер. с греч. Вдовина, Г. В., М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
12. Habermas, J. (2002), *Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity*, Cambridge: MIT Press.
13. Habermas, J. (2005), On the Relation between the Secular Liberal State and Religion, *The Frankfurt School on Religion: Key Writings by the Major Thinkers*, New York: Routledge, pp. 339–348.
14. Хабермас, Ю. (2011), *Между натурализмом и религией. Философские статьи*. М.: Весь мир.
15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.12.2022).
16. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 22.12.2022).
17. Гусейнов, А. А. (1986), Мораль, в: Толстых, В. И. (ред.), *Общественное сознание и его формы*, М.: Политиздат, с. 144–202.
18. Писманик, М. Г., Лисенкова, А. А. и Субботина, А. А. (общ. ред. и сост.) (2020), *Гражданственность. Религия. Образование*, Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 2020.
19. Гусейнов, А. А. (1995), *Великие моралисты*, М.: Республика.
20. Соловьев, В. С. (1914), Право и нравственность. Очерки из прикладной этики, в: Соловьев, С. М. и Радлов, Э. Л. (ред. и примеч.), *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т.* СПб.: Товарищество «Просвещение», т. 8, с. 517–656.
21. Соловьев, В. С. (1988), *Сочинения: в 2 т.*, т. 1, М.: Мысль.
22. *Кодекс университета СПбГУ*. URL: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/kodeks-universanta> (дата обращения: 18.12.2022).
23. *Ст. 89 и 100 Устава СПбГУ*. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_spbgu.pdf (дата обращения: 18.12.2022).

24. Комиссия по этике. URL: <https://spbu.ru/universitet/podrazdeleniya-i-rukovodstvo/uchenye-sovety/uchenyy-совет-spbgu/komissiya-po-etike> (дата обращения: 18.12.2022).
25. Сафонов, К. Б. (2013), Этические кодексы: проблемы создания и применения, *Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология*, № 1 (13), с. 54–57.
26. *Этический кодекс МГУ имени М. В. Ломоносова*. URL: www.socio.msu.ru/documents/eticheskij_kodeks_MSU.pdf (дата обращения: 18.12.2022).
27. Понкин, И. В. (2006), *Теологический факультет государственного университета: Европейский опыт правового регулирования*, М.: Изд-во ПСТГУ.
28. Даудов, А. Х., Паламарчук, А. А. и Федоров, С. Е. (2011), *История ведущих университетов мира: учебное пособие*, СПб.: Алетейя.
29. Шмонин, Д. В. (2022), *Теология и университет. Учебное пособие для аспирантов*, М.: МАРХИ.
30. Хабермас, Ю. (2012), *Ах, Европа. Небольшие политические сочинения*, М.: Весь мир.
31. Мельник, С. В. (2019), Теология и межрелигиозный диалог: от полемики к сотрудничеству. *Вопросы теологии*. Т. 1, № 3, с. 307–333. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.302>

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 17 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Кропачев Николай Михайлович — д-р юрид. наук, проф., член-кор. РАН; n.kropachev@spbu.ru
Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, проф.; d.shmonin@spbu.ru

Values in education and modern university

N. M. Kropachev, D. V. Shmonin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kropachev N. M., Shmonin D. V. Values in education and modern university. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 2, pp. 208–223. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.201> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the value-worldview aspect of modern university education. The “mass university” of the last quarter of the 20th — early 21st centuries, which set itself the underestimated task of “providing educational services” for the formation of a society of “qualified consumers”, practically ignored the classical experience of transferring knowledge associated with the spiritual education of the personality of an intellectual, the formation of his worldview. The Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, put into effect in 2022 by the Decree of the President of Russia, require overcoming this defect of the modern educational paradigm and bringing its parameters to adequate traditions and modern realities of the social norm. The authors of the article dedicate that in accordance with the list of the main traditional Russian values given in the documents of the strategic development of Russia, it is necessary to portray the image of a university graduate in the middle of the 21st century as a highly qualified specialist with critical thinking, historical memory and a broad cultural horizon. For this, among other things, it is necessary to solve an interdisciplinary task: to bring the most important value and worldview concepts into the normative system, to make the list generally understandable and generally accepted for all participants in the processes of education and upbringing. This should be work involving specialists in various fields of knowledge, including philologists, lawyers, educators, philosophers, cultural and political scientists, sociologists and, no doubt, theologians. The theology of Christianity and other traditional religions ads the deepest and most complete source of value worldview. Therefore, according to the authors

of the article, basic theological principles should become a necessary element of education in a modern Russian university.

Keywords: education, university, values, norm, religion, theology.

References

1. Kropachev, N. M. and Molitvin, M. N. (2017), Lifelong Learning as a Social Responsibility of the Modern Classical University, in: Sadovnichii, V. A. (ed.), *Universitety v evraziiskom obrazovatel'nom prostranstve* (Ser. "Evraziiskie universitety XXI veka"), Moscow: MAKS Press, pp. 178–195. (In Russian)
2. Beliaev, N. A., Orekhov V. V. and Kropachev N. M. (1988), [Book Review:] Social Deviance: An Introduction to General Theory / V. N. Kudriavtsev, Iu. V. Kudriavtsev, V. S. Nersesiants. M.: Iuridicheskaiia literatura Publ., 1984. 320 s., *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 3, pp. 92–94. (In Russian)
3. Matveev, P. E. (2004), *Moral Values*, Vladimir: Vladimir State University Publ. (In Russian)
4. Ivin, A. A. (2010), Modern Axiology: Some Current Problems, *Filosofskii zhurnal*, no. 1 (4), pp. 66–68. (In Russian)
5. Shmonin, D. (2015), Citizenship Education in Russia: Between "Patriotism" and "Spirituality", in: Aslan, E. and Hermansen, M. (eds.), *Islam and Citizenship Education*, Wiesbaden: Springer Fachmedien, pp. 273–280.
6. Shmonin, D. V. (2016), Graeco-roman and jewish religious components in the history of the formation of the Christian Educational Paradigm, *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaiia traditsiia*, vol. 10, no. 1, pp. 183–195. (In Russian)
7. Shmonin, D. V. (2011), Scholasticism as a philosophy of education, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 145–154. (In Russian)
8. Clement of Alexandria (2003), *Stromaty*, St Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ. (In Russian)
9. Hamilton, B. (1963), *Political thought in Sixteen-century Spain*, Clarendon Press.
10. Ogurtsov, A. P. and Platonov, V. V. (2004), *Images of Education*, St Petersburg: RKhGI Publ. (In Russian)
11. Yannaras, Ch. (2005), *Selected: Personality and Eros*, trans. from Greek by Vdovina, G. V., Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ. (In Russian)
12. Habermas, J. (2002), *Religion and Rationality: Essays on Reason, God, and Modernity*, Cambridge: MIT Press.
13. Habermas, J. (2005), On the Relation between the Secular Liberal State and Religion, in: *The Frankfurt School on Religion: Key Writings by the Major Thinkers*, New York: Routledge, pp. 339–348.
14. Habermas, J. (2011), *Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles*, Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
15. *National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Presidential Decree no. 400 of July 2, 2021*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 22.12.2022). (In Russian)
16. *Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 no. 809 On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed: 22.12.2022). (In Russian)
17. Guseinov, A. A. (1986), Morality, in: Tolstykh, I. (ed.), *Obshchestvennoe soznanie i ego formy*, Moscow: Politizdat Publ., pp. 144–202. (In Russian)
18. Pismanik, M. G., Lisenkova, A. A. and Subbotina, A. A. (ed. and comp.) (2020), *Citizenship. Religion. Education*, Perm: Perm State Institute of Culture Publ. (In Russian)
19. Guseinov, A. A. (1995), *The Great Moralists*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
20. Solov'ev, V. S. (1914), Law and morality, in: Solov'ev, S. M. and Radlov, E. L. (eds. and comments), *Collected Works of Vladimir Sergeevich Solov'ev, in 10 vols.*, St Petersburg: Tovarishestvo "Prosveshchenie" Publ., pp. 517–656. (In Russian)
21. Solov'ev, V. S. (1988), *Writings*, in 2 vols., vol. 1, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
22. *St. Petersburg State University Universalist Code*. Available at: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/kodeks-universanta> (accessed: 18.12.2022). (In Russian)
23. *Art. 89 and 100 of the Statutes of SPbSU*. Available at: https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_spbgu.pdf (accessed: 18.12.2022). (In Russian)
24. *Ethics Commission*. Available at: <https://spbu.ru/universitet/podrazdeleniya-i-rukovodstvo/uchenye-sovety/uchenyy-sovet-spbgukomissiya-po-etike> (accessed: 18.12.2022). (In Russian)

25. Safonov, K. B. (2013), Ethical Codes: Problems of Creation and Application, *Vestnik of Perm University. Philosophy. Sociology. Psychology*, no. 1 (13), pp. 54–57. (In Russian)
26. *Lomonosov Moscow State University Code of Ethics*. Available at: https://www.socio.msu.ru/documents/eticheskij_kodeks_MSU.pdf (accessed: 18.12.2022). (In Russian)
27. Ponkin, I. V. (2006), *Theological faculty of the State University: European experience of legal regulation*, Moscow: Izdatel'stvo PSTGU Publ. (In Russian)
28. Daudov, A. H., Palamarchuk, A. A. and Fedorov, S. E. (2011), *History of the Leading Universities of the World: textbook*, St Petersburg: Aleteiia Publ. (Parts II–III). (In Russian)
29. Shmonin, D. V. (2022), *Theology and the University: textbook for postgraduate students*, Moscow: MARKHI Publ. (In Russian)
30. Habermas, J. (2012), *Ah, Europe. Small Political Essays*, Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
31. Melnik, S. V. (2019), Theology and interreligious dialogue: from controversy to cooperation. *Issues of Theology*, vol. 1, no. 3, pp. 307–333. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.302> (In Russian)

Received: November 15, 2022

Accepted: February 17, 2023

Authors' information:

Nikolay M. Kropachev — Dr. Sci. in Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; n.kropachev@spbu.ru

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; d.shmonin@spbu.ru